

СЧАСТЬЕ БЫТЬ НУЖНОЙ

Ее отвергли за неспособность. Она попыталась прочесть стихи, от волнения не совладала с голосом, «дала пуха» и услышала уничижающее: «Довольно!» Не взяла ни в одну из театральных школ. Но среди многих достоинств, которые в конечном счете привели скромную провинциалку к ее нынешним высотам мастерства, была воля. Она решила стать актрисой — еще в раннем детстве решила — и не мыслила для себя ничего иного. Преданность мечте и доброе стечение обстоятельств сократили дорогу к цели.

«Мне всегда везло на людей», — говорит Фаина Георгиевна Раневская. Когда сейчас вспоминает она длинную череду лет пути к искусству и в искусстве, то каждый этап этого движения вперед непременно связывает с чьим-то именем, чьей-то поддержкой, содействием, вниманием.

«Вы представляете, недавно я чуть не заплакала от радости, когда узнала, что, оказывается, где-то плавает теплоход «Ольга Садовская». И вспоминает давнее. Это случилось еще до революции. В сквере на скамейке сидела старушка. К ней робко подошла худенькая девушка, заливаясь румянцем, пролепетала: «Можно мне рядом с вами постоять?» Старушка удивилась: «Зачем же стоять? Садись! Рассказывай, кто ты?» Это была великая Садовская. В другой раз в толпе поклонников у театрального подъезда очоленную на морозе девушку приметила Екатерина Васильевна Гельпер и увезла к себе домой «отогреться». «Ты будешь на сцене!» — сказала знаменитая балерина, когда поближе с ней познакомилась. В тяжелый год гражданской войны молодую артистку и ее близких спас в Крыму от голода поэт Максимилиан Волошин. Александр Таиров, оценив ее дарование, открыл перед провинциальной актрисой столичную сцену.

Повторяет: «Мне всегда везло на людей». Я подумал: «А людям повезло на Раневскую». Вот она передо мной: высокая, собранная, с гордо откинутой назад снежно-белой головой. На первый взгляд, строга и сурова, почти неподступна. Но ее большие, полные жизни глаза согреты теплом, в них искорки улыбки, губы готовы к шутке, остроумию слову, афоризму, который потом, как находку, подхватят другие. Юмора Раневской не занимать, и побыть в ее обществе хотя бы несколько минут, значит, уйти потом с хорошим настроением.

Иного настроения не может быть, когда общаешься с

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

этим человеком. Даже стены ее скромной московской квартиры свидетельствуют о том, как высок и просторен духовный мир, в котором она живет.

...На стенах в простеньких рамках фотографии с автографами тех, с кем дружила, кто был в ее товарищах по искусству и жизни: А. Толстой, Шостакович, Акимов, Качалов, Пастернак... Сколько нового, неожиданного вдруг узнаешь из неторопливых, согретых доброй ее памятью рассказов о встречах с Книппер-Чеховой, Немировичем-Данченко, Паустовским, Всеволодом Ивановым, Андровской, В. Анджапаридзе... Все они, каждый по-своему, и «создавали» Раневскую как художника. И, конечно же, она в ответ одаривала их своей душевной щедростью. Для нее это очень важное понятие — душевная щедрость. В человеке ценит прежде всего. С особым удовольствием рассказывает о бессребренности Маяковского, об Анне Ахматовой, которая во время войны свой скудный паек делила с сиротами, об удивительной скромности и доброжелательстве к людям Дмитрия Шостаковича.

Она артистка народная не только по званию. Все ее творчество связано с народом, с его прошлым и настоящим. Когда Раневской исполнилось семнадцать лет, она впервые попала во МХАТ на «Внешневый сад». На сцене собрались звезды русского театра и среди них — Станиславский. Девушка была потрясена. Опустился занавес, погасли огни ramпы, а она сидела, не шелохнувшись. «Барышня, пора уходить», — положил ей на плечо руку билетер. «Куда же я теперь пойду?» — прошептала она.

«Я счастлива, что родилась в Таганроге, городе, где родился Чехов», — говорит Раневская. Она была актрисой многих театров — в Баку, Смоленске, Керчи, Симферополе, других городах и всюду неизменно участвовала во всех постановках чеховских пьес. Чеховские персонажи, которых играла, — самые ее любимые.

«Захочется душевной передышки, тянусь к полке за чеховским томиком». Но необходимо всего ей Пушкин. «Я им дышу. Мне иногда кажется, что он существует где-то совсем рядом». Раневская улыбается: «Вы представляете, когда-то я даже сон о своей личной встрече с Пушкиным видела. И причем цветной. Ахматова услышала, примчалась: расскажите, какой он?» Пушкина знает досконально.

...«Люблю я пышное природы увяданье, в багрец и в золото одетые леса...» Ну кто лучше Пушкина запечатлел в поэзии русскую природу? Кто?»

Жизнь и творчество актрисы неотделимы от отечественной культуры.

«Родина — это не просто земля предков, — говорит Раневская. — Это — то главное, что и создает твою личность. Я просто себе не представляю, как можно жить без Родины».

Именно это высокое чувство патриотизма, подкрепленное подлинным интересом к жизни народа, и помогло Раневской создать на театральной сцене и на киноэкране художественные образы, которые в советском сценическом искусстве стали классическими — в чеховских «Свадьбе» и «Драме», в гоголевской «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», в «Игроке» Достоевского, в пьесе Биль-Белоцерковского «Штурм», в известных кинофильмах «Подкидыш», «Мечта», «Весна», сделавших Раневскую широко популярной и как киноактрису.

Разве перечислишь все ее роли! Их за 60 лет творческой деятельности было более двухсот. И многие из них навсегда остались в памяти не одного поколения. ...Незнакомая старушка в сквере, вдруг узнав Раневскую, кивает ей, как давней знакомой. «Сколько лет прошло, старой стала, а все помню, помню ваше: «Муля, не нервуй меня!» И в старушечьей улыбке озорной отблеск далекой молодости. После недавней телевизионной передачи, посвященной Раневской, пришло «серьезное» письмо от молодой пары: «Мы видели в театре имени Моссовета спектакль «Дальше — тишина» с вашим участием — о черствости детей по отношению к старым родителям. Мы с женой теперь решили значительно улучшить заботу о наших стариках».

Пишут многие. «Приезжайте к нам в Забайкалье, — зовет незнакомая Г. Тишкина из Читы. — Это чудесный край. Мой дом — ваш дом». К себе в гости приглашают колхозники, моряки, студенты. В каждом письме — восхищение ее мастерством. «В своих сценических образах вы живете самой естественной жизнью, и забываешь, что перед тобой актриса». «Каждая ваша комедийная роль — художественное открытие». «Огромный диапазон перевоплощения. Берет любую натуру — комическую или трагическую, обы-

денную или героическую и делает с ней в себе самой все, что хочет». Эти фразы взяты из откликов зрителей, из писем, рецензий и статей товарищей по искусству. С каждым из своих многочисленных учеников и последователей, о которых она, может быть, даже не знает, Раневская делится частичкой своего большого опыта.

Это ее жизненный лозунг: «Спешите делать добро!» Она его получила в наследство еще в годы юности от тех, кто протягивал ей руку поддержки. Заметить, поддержать, ободрить — это ли не счастье! Когда-то Раневская помогла Любови Орловой найти свое место в кино, убедив, что кинематограф станет ее судьбой. Когда студентка факультета журналистики Ия Саввина впервые снялась в фильме «Дама с собачкой», ей, юной, никому еще не известной, знаменитая Раневская прислала письмо со словами одобрения. Так же горячо поддержала творческие поиски Инны Чуриковой. Она радуется каждому новому появлению одаренного человека.

Но никому, даже самым даровитым, Раневская не прощает расхлябанности, легкомыслия, безответственности в творчестве, пренебрежения к зрителю. Сама она к очередному исполнению даже небольшой роли, проигранной, может быть, сотни раз, готовится снова и снова — заранее, задолго. В канун спектакля гостей не принимает, и телефонные звонки не отвечает. И в театре не простит, если на сцене не вытерта пыль или проявлена небрежность в реквизите. «Я не признаю слово «играть». Играть можно в карты, на скачках, на сцене нужно жить». И Раневская в роли живет так, что зрители уходят из театра потрясенными подлинной правдой. И чувствуя это, актриса испытывает счастье.

Среди ее зрителей всегда много актеров. Для них каждый выход Раневской на сцену — урок мастерства, потому что известно, что актриса не повторяется в рисунке сценического образа, он каждый раз нов. В этом богатстве ее дарования. Богатство еще не израсходовано. Раневская в том убеждена. Ее кто-то называл патриархом советской сцены. Нет, она протестует! Патриарх — это нечто прошлое. А она — активно действующая, полная сил творческая единица советского театра.

Мы ждем новых счастливых встреч с замечательным художником Ф. Г. Раневской на театральных подмостках, на экранах кино. Она нам очень нужна.

Л. ПОЧИВАЛОВ.